

трудовой деятельности»; «Кому охота нынче плестись в хвосте технического прогресса»; «Коллектив охотно включился в подписную кампанию и поголовно подписался на различные периодические издания»; «Многие предприя-

тия спешат шагать в ногу»; «Его поймали, арестовали, велели характеристику предъявить».

Смешение стилей усиливает иронически-критическую направленность изложения, превращая историю подчас в очень едкий фельетон:

Стали гости изучать «личный состав» стада. День проверяют, два проверяют, на третий убеждаются, что их телята как сквозь землю провалились.

Но это для красного словца так говорится. В действительности они сложили юные свои головы на мясокомбинате, куда совхоз «Кагарлыкский»... под шумок сдал их в качестве сверхплановых поставок («Известия», 11 сентября 1965).

Столкновение стилических пластов в жанровых разновидностях и составляет авторскую манеру Пантелеймона Корягина. Умелое использование этого приема вызывает у читателя самые разнообразные оттенки чувств: от удивления и иронической усмешки до возмущения и негодования. Обогащение газетного языка, разнообра-

форм изложения материала — одна из важнейших особенностей «Удивительных историй» П. Корягина. Остается добавить, что Пантелеймон Корягин — это коллективный псевдоним журналистов Эльрада Пархомовского и Семена Руденко.

М. Л. КРЮЧКОВА
Москва

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Беспределен диапазон газетной тематики — от теоретических проблем философии, политики, экономики, культуры до вопросов повседневного быта. Разнообразны и газетные выступления по их жанровой принадлежности: статья, очерк, репортаж, памфлет, фельетон и др. В создании га-

зеты участвуют и непрофессиональные корреспонденты — люди с разным жизненным опытом и речевой культурой. В наше время газетная полоса стала самой обширной сферой применения речи во всем ее стилистическом и жанровом многообразии. Здесь мы встретим не только публицистическую, типично газетную фразеологию (холодная война, железный занавес, блюститель порядка), но и разнообразные по происхождению, семантическим и стилистическим качествам обороты от книжных (почить вечным сном, кануть в Лету, глас вопиющего в пустыне,

золотой телец, ничтоже сумняшеся) до разговорно-просторечных (стричь под одну гребенку, горе луковое, держать язык за зубами, шиворот навыворот, пустить по миру).

Газета не только реализует сложившиеся в языке фразеологические богатства, но и настойчиво способствует постоянному обогащению выразительных возможностей языка. Этот процесс прослеживается в разных частных проявлениях.

В значительной мере через газету проникают в язык и становятся активными в речевом употреблении новые обороты, обозначающие постоянно формирующиеся новые понятия в общественно-политической, культурной жизни. Обычными стали в русском языке пришедшие главным образом из газеты обороты: борьба за мир, люди доброй воли, сторонники мира, поджигатели войны, холодная война, пятая колонна, гонка вооружений, закон джунглей, на грани войны, с позиций силы.

Ведя борьбу с буржуазной идеологией, с ее установкой скрыть истинную сущность явлений за благовидной словесной оболочкой, газета обнаруживает подлинный смысл и содержание фразеологизмов из языкового арсенала наших идейных противников, например: народный капитализм, общество всеобщего благоденствия. Эти словосочетания придумали для замены, мягко говоря, непопулярного слова *капитализм*, для обозначения образа жизни капиталистического общества в качестве «благопристойного» эталона. «Свободный мир» — так цинично называют бесчеловечный мир капитализма его апологе-

ты. Еще один пример. В языковом арсенале буржуазной пропаганды давно принят на вооружение фразеологический оборот *рука Москвы*. Им пользуются всегда, когда «свободный мир» оказывается бесильным объяснить истинные причины успехов международного революционного и освободительного движения (или причины своих идеологических и дипломатических провалов).

Газета интенсивно расширяет фразеологический состав языка образными средствами. Именно через газету вошли в активный оборот устойчивые словосочетания, которые не только называют понятие, но и создают определенный образ. Сюда относятся единицы, обозначающие высокие понятия нашей общественной действительности. *Боевая подруга* — «женщина-воин, жена, готовая делить с мужем любые невзгоды»: «... Жены старших офицеров учат „молодых“ не пиццать, быть настоящими боевыми подругами» («Известия», 5 марта 1971); *боевое крещение* — «участие в первом бою»; *дорога жизни* — оборот, ставший историзмом, но очень памятный для нас: так называлась единственная опасная дорога, связывавшая со страной блокированный фашистскими войсками Ленинград. Такие обороты могут быть экспрессивно резко отрицательными: *охота на ведьм* — «доведенное до абсурда преследование инакомыслящих в капиталистическом мире»: «Нимейри казнит даже не участников путча, а просто своих политических противников... „Охота на ведьм“ становится ужасным сведением счетов. Это происходит в Судане впервые» («Правда», 29 июля 1971).

К фразеологическим оборотам примыкают перифрастиче-

ские образования — описательные образные обозначения предметов, ставшие «готовыми», воспроизводимыми единицами: *белый уголь* — «движущая сила воды», *белое золото* — «хлопок», *голубые дороги* — «морские пути», *голубой уголь* — «ветер как источник энергии, движущая сила ветра», *черное золото* — «нефть; уголь»: «Монополии, вывозящие „черное золото“ из Ирана... мало заботятся о рациональном использовании минеральных богатств страны» («Правда», 28 октября 1970); «Она (копейка) ложилась на себестоимость выданного нагора „черного золота“» («Крокодил», 1970, № 28); *бог войны* — «артиллерия».

Газетная речь способствует обогащению выразительных средств языка. Фразеологические единицы расширяют сферу своего употребления, что ведет к развитию и закреплению во многих из них переносных значений, способствует появлению новых экспрессивно-эмоциональных оттенков. Этот процесс особо заметен в реализации составных научно-технических, военных, спортивных терминов («не в своей сфере»: «Личная ненависть к врагам, ненависть классовая была *движущей силой*, одним из стержней души таких людей, как Гордеев» («Литературная газета», 3 февраля 1971); «*За дымовой завесой* словесных заверений Тель-Авива о якобы имеющемся с его стороны „желаний“ к регулированию отчетливо проглядываются агрессивные устремления Израиля» («Известия», 22 апреля 1971); «Отец меня научил общению с людьми, трезвости чувства. Предстерег от своих ошибок. ...Мы должны быть лучше, талантливее, умнее, находчивее. Нам надо быстрее

набирать очки» («Известия», 28 января 1971); «Если не остановить развертывание противоракетной обороны сейчас, то неизбежно пойдет *цепная реакция* соревнования между наступательным и оборонительным оружием...» («Правда», 29 сентября 1971).

Расширение сферы употребления и приобретение новых стилистических функций наблюдается и у типично газетных по своему происхождению оборотов. Так, в годы фашизма бытовал фразеологизм *новый порядок* с ограниченным значением «фашистский порядок». Теперь этот оборот утратил «прикрепленность» и стал обозначать всякую жестокую антинародную государственно-политическую систему; «Вот он, израильский „новый порядок“. Снимок сделан у „стен плача“ в Иерусалиме» (подпись под рисунком. «Неделя», 1971, №38).

Газета широко пользуется сложносокращенными словами как синонимами фразеологических оборотов. В последние годы этот прием распространяется и на возвращенные составные термины в переносном значении. Что ж, это устраивает газету не только как более экономная форма выражения, но и более выразительная, энергичная. КПД — коэффициент полезного действия: «Говорят, у нормального человека в мозгу клеток не меньше, чем у Пушкина. Так будь Пушкиным, черт тебя дер! А на деле свои способности один из сотен использует как надо. У остальных кид, как у старинного паровоза: десять процентов энергии — на движение, девяносто — на гудки и треще частей» («Известия», 29 октября 1970); ЧП — чрезвычайное происшествие: «Шолотова... не всегда только расследует. Про-

изошло ЧП. И вот уже по ее просьбе созывается сельский сход» («Известия», 19 ноября 1970).

Расширение функций фразеологических единиц может быть фактом индивидуального авторского мастерства. Так, *рассыпаться мелким бесом* может только человек; но вот читаем в газете: «А далеко, над просторами Арктики, мелким бесом рассыпалась морзянка» («Известия», 30 марта 1971).

В газете нередко освежается образность фразеологического оборота путем столкновения закрепившегося в нем переносного значения с прямым, принимающим на себя основную смысловую нагрузку. Так, выносятся в заголовок «Сильные мира сего» («Неделя», 1974, №38). Вместо ожидаемого значения «самые влиятельные, могущественные люди, занимающие высокое общественное положение», читатель с приятным удивлением узнает, что речь идет о «самых сильных тяжелоатлетах мира».

В сильной позиции оказывается фразеологизм, если журналисту удастся связать его с географическим местом и историей происхождения оборота. В заметке В. Меньшикова «До греческих календ» говорится: «Таким образом, практическое откладывание *до греческих календ* „возвращения к парламентской системе“ в Греции подкрепляется из-за океана как поставками американского тяжелого оружия, так и банковскими чеками на десятки миллионов долларов» («Правда», 21 марта 1971). В последние годы в печати активизировался оборот *земля обетованная* — «место, куда стремятся попасть, где царит довольство, изобилие, счастье». Им сионистская пропаганда

обозначает современный Израиль: «Сионистская пропаганда убеждает лиц еврейского происхождения эмигрировать в израильскую „землю обетованную“» («Правда», 27 мая 1971).

Дорожа силой выразительности фразеологизма, одновременно заботясь о его понятности, доступности широкому кругу читателей, автор вынужден давать справку, мотивирующую связь используемого оборота с фактом современности. «Между Сциллой и Харибдой» — это заголовок заметки Н. Прогожина («Правда», 6 декабря 1970) о составлении проекта моста через Мессинский пролив. Заголовки выразителей, но не всем понятен, поэтому автор начинает заметку так: «Самый большой остров в Средиземном море — Сицилия — отделен от материковой Италии Мессинским проливом. Выход из него замыкают две скалы — Сцилла и Харибда. Бурное морское течение, частые ветры, дующие в проливе, были настолько труднопреодолимы для мореплавателей древности, что выражение „оказаться между Сциллой и Харибдой“ сохранилось до наших дней как синоним страшной опасности». Еще заголовок: «Будни Свейской земли». Оригинально, но не всем понятно, поэтому автор спешит объяснить: «Так когда-то повгородские торговые люди называли Швецию...» («Известия», 25 марта 1971).

Для газетного стиля (шире — для стиля публицистики) характерны ряды синонимов, расположенные с нарастанием их выразительности. В таких синонимических рядах могут оказаться два или несколько фразеологических оборотов, что создает

напряженный, в известной мере патетический тон высказывания: «Стыки же — между наукой и производством — настоящая *ахиллесова пята*, самое *уязвимое*, самое *слабое место*, когда дело доходит до использования результатов исследований на практике» («Литературная газета», 9 июня 1971).

Использование фразеологизма на газетной полосе может быть связано с намеренным вмешательством в его структуру. Такой прием обычно оказывается стилистически эффективным, если изменение

структуры оборота не затрагивает его смыслового единства, а вводимые в него свободные элементы органически входят в тематическую ткань высказывания: «...*Чем дальше идти в административный лес, тем больше всяких бюрократических дров*» («Правда», 2 июня 1971); «...Он якобы смертельно оскорбил приезжего иностранного певца, вылил *ложку отвратительного дёгтя в бочку его ослепительного успеха*...» («Неделя», 1971, № 38).

Н. Ф. ШУМИЛОВ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Ответы. См. стр. 50

I

1. Солнце уже *поднялось* над лесом. Иней давно *растаял*. Небо *раскрылось* в вышине, прозрачно-льдистое и голубое. Деревья в *мокром сияющем* золоте склонялись над *дорогой*. День *заялся* теплый, непохожий на осенний.

А. А. Фадеев. Разгром

2. *Миновали* сумерки. *Высыпали* звезды, спустилась ночь. А Жиган то бежал, то шел, тяжело дыша, то изредка останавливался — *перевести дух*. Один раз, заслышав *мерное бульканье*, отыскал в темноте ручей и хлебнул, *разгоряченный*, несколько глотков холодной воды. Один раз *шарахнулся* испуганно, *наткнувшись* на сиротливо покривившийся придорожный крест.

А. П. Гайдар. РВС

II

Впрок — собственно русское; возникло на базе слияния предлога *в* и формы винительного падежа, единственного числа существительного *прок* 'остаток, запас, польза'.

Витрина — заимствовано из французского языка в середине XIX века.

Валун — собственно русское; образовано с помощью суффикса *-ун* от глагола *валить*.

Ваза — заимствовано из немецкого языка в конце XVIII века.

Вельвет — заимствовано из английского языка в начале XIX века.